

ФИЛОСОФИЯ КУКЛЫ

Независимая газ. — 1994. — 22 июля. — с. 7.
Татьяна Терещенко. Театр одного художника

Ольга Егошина

Провинция

ЕСЛИ ХУДОЖНИКА драматического театра можно сравнить с вассалом, так или иначе, но связанным с указаниями режиссера, «физикой» актеров, вынужденного считаться с короткими ногами актрисы N и кривым носом актера Z, то художник-кукольник — самодержавный монарх в своей стране. Именно он определяет размер глаз и длину носа своих героев, цвет волос и форму ушей. Он может создавать свои образы, повинувшись внутреннему чутью и прихоти фантазии. Его герои всегда довольны своими нарядами, а героини — прическами.

Семнадцать лет проработала в Курганском кукольном театре Татьяна Терещенко. Менялись режиссеры (уже несколько лет театр работает без главного режиссера), менялся актерский состав. Художница оставалась, а значит, театр сохранял свое лицо, свой почерк. Куклы перчаточные и марионетки, тростевые и планшетные, куклы на ширмах и куклы-перевертыши. С ее участием поставлено почти полсотни спектаклей. И еще столько же осталось в эскизах. А сколько осталось в замыслах! «Пожалуй, я бы еще не рискнула взяться за театр теней. Надо почитать литературу», — она задумывается...

Это очень типично для Татьяны Ивановны. Книга в ее руках столь же привычна, как и кисть, и столь же обязательна. Если уж ставить «Колобка», то обращаться к Пропшу и специалистам по древним обрядам, к солярным мифам и солидным этнографическим сборникам. И тогда появляются эскизы костюмов Земли и Лисы-масленицы, девушки, держащей в поднятых руках золотой колобок, символ солнца и хлеба.

К концу XX века мы вдруг спохватились, что сказка — это очень серьезно. И вот уже «Винни-Пух» издается в серии «Философия обыденного языка». А об «Алисе в стране чудес» Л.Кэрролла и говорить не приходится. Школа сказочников во главе с Дж.Р.Р.Толкиеном главную задачу увидела в сотворении «иных миров», и вряд ли есть для художника задача увлекательнее. Татьяна Терещенко могла бы повторить слова Клайва Льюиса, изменив род глагола: «Волшебная сказка — самый подходящий жанр, чтобы выразить то, что я хотел сказать».

«Иной мир» Татьяны Терещенко заселен замечательными существами: Красная Шапочка и Айвенго, Доктор Гаспар и Ниф-Ниф, Али-баба и Золотая рыбка, Петрушка и Маленький Принц, Пиноккио и сестрица Аленушка, Афродита и Герда, Баба-Яга и Ромео.

Наконец, последняя театральная работа художницы — спектакль «Хозяйка Медной горы» по Бажову (режиссер С.Железкин).

Из темной глубины сцены возникают великаны, у них в руках крошечный человек. То ли фокус соотнесения объемов, то ли игра света, то ли хитрости устройства сцены, но

Сюок из «Трех толстяков».

только актеры кажутся исполинами. Боги ли? Ангелы? Хранители? Белые рубахи, белые сарафаны, цветастые рабочие фартуки мастеров и ленты, держащие волосы. Они бережно несут в руках Данилушку... У кукол не лица — лики: рубленные черты лица, скорбные влажные глаза, тяглые веки. Маленькие люди в холодном каменном царстве. Где-то журчит вода, то обрываясь потоком, то едва слышно капелью. Зеленой кисеей струится малахитовая руда, поблескивают драгоценные камни, то тут, то там мелькнет искрящийся шлейф Хозяйки. То юной девушкой она явится, то шустрой старухой, а то обернется великаншей, и задрожит от ее гнева каменный мир. И раскроется камень, и поглотит злобного приказчика. Только перекрестные палочки, за которые ведут куклу, останутся над камнем могильным крестом.

Шуршат-стелются ее руды драгоценные — то мостом обернутся, то дорогой, то свадебным балдахином, а то обовьют, закружат. Живут камни, живут скалы: то сомкнутся кругом, обступят, а то дадут простор и свободу. Игра покрывал, прозрачных тканей создает ощущение постоянного дрожания света, переливов цвета. И вместе с тем остается ощущение холода.

Нежно обнимут руки актрисы Аллы Семеновны тельце Кати, одинокой и покинутой. Актриса нежно гладит заплетенные косы. И когда не остается слов (любопытно, что единственная кукла с движущимся ртом — негодяй-приказчик), только песня может помочь выплеснуть чувства. Песней разговаривают, песней делаются болью и радостью. Песни-плачи, пес-

ни-заговоры. Кажется, голоса актеров звучат особенно гулко и звонко под каменными сводами. Сказка Бажова (даже адаптированная и смягченная) сохраняет ранящую силу. «Любит хозяйка над людьми мудровать. Худому человеку встретиться с ней горе, да и хорошему радости мало». В спектакле ощутима эта двойственная природа Хозяйки Медной горы. Она в спектакле — чудо, но и чудовище. Она может дать то, к чему стремишься, и поработить тебя. Она может дать силу и неуязвимость, сделать тебя Мастером, но для этого надо забыть все и всех, забыть самое дорогое.

Мир героев Татьяны Терещенко редко бывает безмятежным и радостным. Он открыт Злу и Боли, Смерти и Разлуке. Счастливым конец скорее кажется утешением и надеждой, чем действительным финалом. Мягкий флер печали часто окутывает ее работы. И поэтому о многих ее спектаклях говорят, что это представления для взрослых, что замысел художника снова и снова уходит далеко за рамки доступного детям. Впрочем, если бывает одежда на вырост, почему бы не быть спектаклям, до которых ребенку придется расти, пересматривать их еще и еще раз, открывая для себя что-то новое?